

Жизнь славянъ

Фрагмент настоящей главы (страница 12) не сохранился

— 13 —

нибудь бѣды славяне говорили: «Чуръ меня!», т.-е. чуръ, защити меня.

Боги природы. Что могъ чувствовать среди природы славянинъ, когда выходилъ изъ своей убогой хижины? Онъ былъ радъ, когда свѣтило и грѣло красное солнышко, пугался, когда гремѣлъ громъ и ярко сверкала молнія, ежился и старался защитить себя первобытнымъ одѣяніемъ, когда свирѣпѣлъ морозъ и выла вьюга.

Не понималъ нашъ предокъ, отчего происходитъ смѣна дня и ночи, временъ года, и объяснялъ это по-своему. Ему казалось, что весь міръ наполненъ живыми существами. Онъ видѣлъ, что солнце восходитъ и заходитъ. Какъ же было не признать солнца за живое существо? Такъ какъ все въ природѣ, что видѣлъ и испытывалъ человекъ, казалось ему болѣе сильнымъ, чѣмъ онъ самъ, то онъ и поклонялся явленіямъ природы, считая ихъ за живыя существа.

Древнѣйшимъ божествомъ нашихъ предковъ было небо: они называли его Сварогомъ; божество солнца называлось у нихъ Дажьбогомъ, Хорсомъ, Купалою. Богомъ грома, молніи и подателемъ побѣдъ надъ врагами былъ Перунъ. Они, кромѣ того, поклонялись Стрибогу, богу вѣтровъ, и Волосу. Волосъ былъ охранителемъ табуновъ и стадъ, «скотнымъ богомъ». Относительно этого же бога существовало повѣрье, что онъ помогаетъ пѣвцамъ и гуслирамъ скандывать складныя пѣсни. Все это были добрыя божества, но были и злыя, приносящія вредъ. Таковы: Морена, приносящая смерть и зиму; Кощей и Баба-Яга, въ ступѣ ѣдущая, пестомъ погоняющая, метлою слѣдъ заметающая. Въ Кощеѣ олицетворялись стужа и холодъ, а подъ Бабой-Ягой разумѣлись зимнія бури.

Въ лѣсу, по вѣрованію славянъ, жилъ Лѣшій, а въ водѣ Водяной. Лѣшій — веселый добрый духъ. Онъ помогалъ охотникамъ и пасъ стада, но любилъ поводить и покружить по сторонамъ заблудившихся. Водяного нельзя похвалить: онъ строгъ, а во гнѣвѣ даже страшенъ, но его можно задобрить жертвою — гусемъ. На днѣ рѣкъ и озеръ жили русалки. Русалка — свѣтлая душенька покровника, въ бѣлой

одеждѣ, обвитой зелеными вѣтвями; съ вѣшнимъ тепломъ онѣ выходятъ играть въ водахъ и лѣсахъ.

Служенье богамъ. Особыхъ храмовъ у нашихъ предковъ не было. Моленія совершались у рѣкъ, колодезей, озеръ, подъ большими деревьями и особенно передъ идолами. Идолы — это человѣкообразные истуканы изъ дерева. Передъ идоломъ былъ жертвенникъ изъ толстаго деревяннаго обрубка, а надъ головою его—навѣсъ. Кругомъ идола съ жертвенникомъ стоялъ заборъ. Все это составляло идольское капище.

Жрецовъ тоже не было. Были волхвы, кудесники, но они были не жрецы, а гадатели и предсказатели. Жертвоприношенія совершались старшими въ родѣ. Въ жертву своимъ богамъ славяне приносили плоды и животныхъ. Въ важныхъ, торжественныхъ случаяхъ они закалывали передъ ними плѣнныхъ и даже, по жребію, своихъ собственныхъ дѣтей. Жертвоприношенія заканчивалась пирами и играми.

Славяне справляли въ честь боговъ праздники. Праздники начинались съ зимняго солнцестоянія, т.-е. со дня Спиридона солнцеворота (12 декабря). Этотъ праздникъ назывался Колядой. Онъ въ послѣдствіи, съ принятіемъ христіанства, совпалъ съ праздникомъ Рождества Христова. Во время Коляды обмолачивали Житнаго дѣда (такъ назывался послѣдній сжатый снопъ), зерна раздавали мальчикамъ, которые ходили «колядовать», при чемъ осыпали зернами избы и желали урожая.

При началѣ весны жгли соломенное чучело, т.-е. провозжали зиму, пекли жаворонки, дѣвушки и парни выходили на холмы звать весну - красну. Весна бѣжала въ видѣ разряженнаго мужика, которому кланялись. Это время и теперь зовутъ Красной горкой. Немного позже справляли зеленые святки: убирали зеленую березку, завивали вѣтки, бросали ихъ въ рѣчки, гадая о счастье.

Но особенно торжественно праздновали «купалы». И теперь народъ называетъ праздникъ 24 іюня въ честь Іоанна Предтечи праздникомъ Ивана Купалы. Въ этотъ праздникъ купались ночью, прыгали черезъ костры, собирали чудодѣйственныя травы.

Свадебные обычаи славянъ. Таковы были вѣрованія и религиозные обычаи славянъ. Такъ же своеобразны были ихъ свадебные и погребальные обряды.

Когда славяне жили родами, враждовавшими другъ съ другомъ, то они «похищали дѣвицъ преимущественно во время игръ у воды»,— у рѣкъ, озеръ. И теперь во многихъ мѣстахъ Россіи сохранился такой обычай: когда подъѣзжаетъ женихъ ко двору невѣсты, то стараются не пустить жениха, чѣмъ-нибудь загораживаютъ путь, стрѣляютъ въ воздухъ, чтобы напугать и заставить вернуться обратно жениха и его товарищей. А невѣста поетъ:

«Родимый, ты, братецъ мой,
Ты сруби, сруби березаньку,
Загради ты путь - дороженьку,
Чтобы моимъ недругамъ ни пройти ни проѣхати».

Похищеніе невѣстъ смѣнилось ихъ покупкой. Невѣста цѣнилась, какъ работница. За нее платили такъ называемое «вѣно», плату. Доселѣ сохранился обрядъ продажи мѣста около невѣсты. Невѣста, обращаясь къ брату, говоритъ:

«Братецъ, поломайся,
Братецъ, постарайся:
Не продавай сестру
Ни за рубль ни за золото».

Способы погребенія у древнихъ славянъ. Такъ же разнообразны были у славянъ и способы погребенія. Славяне, какъ и другіе народы, вѣрили, что душа можетъ и при жизни человѣка временно покидать его тѣло и снова возвращаться. Напр., когда засыпалъ человѣкъ, и ему снилось, какъ онъ охотится гдѣ-нибудь, то, проснувшись и видя себя на прежнемъ мѣстѣ, онъ допускалъ, что душа на время оставляла его. Онъ начиналъ признавать существованіе двойниковъ, а самыя души представлялъ въ видѣ маленькихъ людей. Въ этомъ еще болѣе убѣждали его такія явленія, какъ тѣнь, всегда идущая вмѣстѣ съ человѣкомъ, отраженіе человѣческаго лица въ водѣ, эхо и т. п.

Однимъ изъ очень распространенныхъ способовъ погребенія было сожженіе трупа умершаго. Въ X в. послѣ Рождества Христова посѣтилъ низовья Волги арабскій путешественникъ и ученый (Ибнъ-Фадланъ). Онъ очень подробно описалъ сожженіе умершаго тогда знатнаго русса.

«Когда умеръ тотъ человѣкъ, о которомъ я уже говорилъ,—именъ Фадланъ,—то спросили его рабынь: кто хочетъ съ нимъ умереть? Одна изъ нихъ отвѣчала: я. Люди послѣ того начали заниматься нужнымъ для покойника, кроить ему платье и готовить все, что требуется. Дѣвушка каждый день пѣла и была весела. Когда наступилъ день, назначенный для сожженія покойника и дѣвушки, пошелъ я къ рѣкѣ, на которой стояла его ладья; но она была уже вытащена на берегъ; для нея были вбиты столбы изъ дерева, а вокругъ разставлены были большія деревянныя человѣкоподобныя фигуры. Ладью поставили на эти столбы; люди начали ходить взадъ и впередъ и произносить слова, для меня непонятныя. Мертвый все еще лежалъ въ своей могилѣ, изъ которой его еще не вынимали. Затѣмъ принесли скамью, поставили ее на лодку, положили на нее простеганный ватой покровъ изъ греческой золотой ткани и такую же подушку. Тогда пришла старуха, называемая вѣстникомъ смерти, и оправила названныя вещи на скамьѣ. Она смотритъ за шитьемъ платья и за приготовленіемъ всего нужнаго, и она же убиваетъ дѣвушку. Я ее видѣлъ: она похожа на злого духа съ мрачнымъ гнѣвнымъ взглядомъ. Покойника одѣли въ нижнее платье, шаровары, сапоги, куртку и кафтанъ изъ золотой ткани съ золотыми пуговицами; надѣли ему также шапку изъ золотой ткани, отороченную соболями. Затѣмъ перенесли его на скамью, поставленную на ладьѣ, положили на ватный покровъ, подперли голову подушкою, принесли опьяняющій напитокъ, плоды, благовонныя травы и положили возлѣ него, а также хлѣбъ, мясо и лукъ. Убили собаку, лошадь, пару воловъ и мясо ихъ побросали въ ладью. Наконецъ принесли курицу и пѣтуха, убили ихъ и туда же бросили. Дѣвушка, предназначенная смерти, ходила между

тѣмъ взадъ и впередъ. Такъ какъ тогда была пятница послѣ обѣда, то подвели ее къ предмету, который они едѣлали и который похожъ былъ на отверстіе двери (срубъ). Она стала на ладони мужчинъ, заглянула въ срубъ и проговорила что-то на своемъ языкѣ. Я освѣдомился у толмача о томъ, что она говорила.

«Въ первый разъ, — отвѣчалъ онъ, — она сказала: «Вотъ я вижу моего отца и мою мать»; во второй — «вотъ вижу я, сидя въ вѣстѣ всѣ мои умершіе родственники», а въ третій — «вотъ тамъ мой господинъ; онъ сидитъ въ раю; рай такъ прекрасенъ, такъ зеленъ; около него его рабы и отроки; онъ зоветъ меня; ведите меня къ нему».

«Тогда повели ее къ ладѣ; она сняла оба обруча съ своихъ рукъ и отдала ихъ женщинѣ, которую называютъ вѣстникомъ смерти и которая должна ее умертвить; сняла она также обручи съ своихъ ногъ и отдала двумъ служащимъ ей дѣвушкамъ, которыхъ называютъ дочерьми вѣстника смерти. Тогда подняли ее на ладью; но еще не пустили въ раскинутую надъ нею палатку. Пришли мужчины съ щитами и палицами и принесли ей чашу опьяняющаго питья. Она взяла чашу, заплѣла и выпила ее. «Теперь, — сказалъ мнѣ толмачъ, — она прощается съ жизнью». Затѣмъ подали ей вторую чашу; она взяла и заплѣла длинную пѣснь. Старуха сказала ей, чтобы она торопилась пить и шла въ палатку, гдѣ лежитъ ея господинъ. Дѣвушка смутилась и оставалась въ нерѣшимости; она уже хотѣла войти и просунула голову между палаткою и ладьею, какъ вдругъ старуха взяла ее за голову, втолкнула въ палатку и сама вошла съ нею. Немедленно начали мужчины стучать палицами въ щиты, чтобы не слышать было ея криковъ, которые могли бы испугать другихъ дѣвушекъ и отвратить ихъ отъ намѣренія требовать смерти вмѣстѣ съ своими господами. Тогда подошелъ самый близкій родственникъ умершаго, нагой, держа въ рукѣ кусокъ дерева, зажегъ его и началъ бѣгать вокругъ ладьи съ горящимъ деревомъ въ рукѣ, пока не зажегъ дровъ, лежащихъ подъ ладьею. Затѣмъ пришли другіе, каждый несъ зажженный кусокъ и бросалъ его въ

тот костеръ. Скоро загорѣлся костеръ, а потомъ ладья, палатка, покойникъ, дѣвушка и все, что было въ ладѣ. Поднялся сильный вѣтеръ, и пламя еще болѣе разгорѣлось. Подлѣ меня стоялъ руссъ, который, какъ я слышалъ, разговаривалъ съ толмачомъ, стоявшимъ за нимъ. Я спросилъ толмача, что сказалъ ему руссъ, и услышалъ въ отвѣтъ: «Вы арабы,— говорилъ онъ,— народъ глупый: вы берете все, что есть у васъ любезнѣйшаго и дорогого между людьми, и зарываете въ землю, гдѣ ѣдятъ его гады и черви. Мы же сжигаемъ его въ мгновеніе, чтобы онъ безъ задержки и немедленно вселился въ рай». Затѣмъ онъ засмѣялся и продолжалъ: «Господь показываетъ любовь къ нему: вотъ онъ посылаетъ вѣтеръ который въ мгновеніе его унесетъ». И дѣйствительно, не прошло часа, какъ и ладья, и костеръ, и дѣвушка съ покойникомъ обратились въ пепелъ. Послѣ на мѣстѣ, гдѣ стояла ладья, выволоченная изъ рѣки, они насыпали что-то въ родѣ холма, поставили посрединѣ его большой кусокъ дерева, на которомъ написали имена умершаго, и затѣмъ разошлись».

Кромѣ этого обряда, существовало зарыванье въ землю. Отъ глубокой древности до нашего времени сохранилось очень много насыпей, которыя называются «курганами». Ученые раскапываютъ ихъ, и много интереснаго узнаемъ мы по находимымъ тамъ предметамъ. Славяне думали, что покойники и послѣ смерти живутъ такъ же, какъ и ранѣе, что они имѣютъ нужду во всемъ, чѣмъ пользовались и при жизни. Поэтому наши предки клали въ могилу все, что, по ихъ мнѣнію, необходимо было покойникамъ. Въ одной похоронной пѣснѣ, отразившей взгляды языческой старины, дочь, оплакивая смерть своего отца, проситъ, чтобы плотники устроили гробъ получше, при чемъ гробъ называется «хороминой».

Вы поставьте-тко тесовы бѣлы лавочки».

Прорубите-тко косѣвчаты окошечки,

вы поставьте-тко тесовы бѣлы лавочки».

При раскопкахъ находятъ возлѣ скелета и на немъ многочисленные предметы.

Домашній бытъ. Свадьба и похороны были, какъ и всегда, не частыми событіями жизни славянъ. А какъ славяне жили изо дня въ день?

Одинъ арабскій писатель самъ видѣлъ, какъ жили славяне въ началѣ X в.: «Въ землѣ славянъ,—говоритъ онъ,—холодъ бываетъ до того силенъ, что каждый изъ нихъ выкапываетъ себѣ въ землѣ родъ погреба, который покрываетъ крышею. Въ такіе погреба переселяются со все́мъ семействомъ и, взявъ нѣсколько дровъ и камней, раскаляютъ послѣдніе на огнѣ докрасна. Когда же камни раскалятся до высшей степени, ихъ поливаютъ водой, отчего распространяется паръ, нагрѣвающій жильѣ до того, что снимаютъ уже одежду. Въ такомъ жильѣ остаются до самой весны».

Но потомъ славяне стали дѣлать дворы. Послѣдніе были, конечно, деревянные. Въ каждомъ изъ нихъ была теплая изба (истопка) и холодныя клѣтки, соединенныя крытыми переходами, сѣнями, и хозяйственныя постройки: житницы, гумна и проч.

Хлѣбопашество было важнѣйшимъ занятіемъ населенія. Изъ земледѣльческихъ орудій славянъ извѣстны: плугъ, борода, серпъ. Обмолоченный хлѣбъ ссыпали не только въ житницы, но и въ ямы.

На ряду съ земледѣліемъ славяне придавали значеніе и разведенію домашнихъ животныхъ. Больше всего цѣнились кони. На наши современныя деньги каждый конь стоилъ, приблизительно, 15 руб., волъ—8, корова—5. Дорого цѣнилась курица — до 3 руб.; журавль, лебедь стоили около 5 руб. каждый.

Кромѣ этого, славяне занимались сборомъ въ дуплахъ деревьевъ меда, ловлей птицъ силками, звѣрей тенетами.

Въ курганахъ найдены грузила, употреблявшіяся для неводовъ, и желѣзныя остроги. Значитъ, существовалъ рыбный промыселъ.

Изъ ремеслъ славяне знали ткачество, такъ какъ сохранились, добытыя при раскопкахъ кургановъ, *пряслицы* изъ краснаго камня. Извѣстно было и кузнечное ремесло: въ могилахъ нашли гвозди и даже большой кузнечный молотъ. Чтобы построить жилище и срубъ для могилы, пани

предки должны были знать плотничество. О существованіи гончарнаго ремесла свидѣтельствуеъ оставшаяся глиняная посуда разной формы.

Русскіе славяне, почти постоянно жившіе на открытомъ воздухѣ, были сильны, ловки, высокаго роста и статны. Они имѣли свѣтлые волосы, загорѣлое лицо и отличались красотой. Знатные люди брили себѣ голову, оставляя на ней одинъ только длинный чубъ, брили также бороду, но былъ и обычай свивать ее наподобіе лошадиной гривы и красить желтою или черною краскою.

Обыкновенную одежду славянъ составляли рубаха, заправленная у пояса въ широкія шаровары. Надѣвая такія шаровары, собирали ихъ въ сборки у колѣнъ, у которыхъ затѣмъ и привязывали. Одежда состояла изъ разныхъ тканей: полотняныхъ, шерстяныхъ и рѣже шелковыхъ, перетканыхъ даже золотыми нитками. Въ курганахъ найдены остатки мѣховыхъ и войлочныхъ шапокъ. Иногда головной уборъ дѣлали изъ бересты, обтягивали его шерстяною тканью и украшали различными кольцами и бусами.

Женская одежда отличалась обиліемъ украшеній. Богатыя женщины носили на шеѣ золотыя или серебряныя ожерелья, бусы янтарныя, болѣе бѣдныя — зеленыя бусы изъ глины.

Одежда у шеи закрѣплялась особенными запонками, состоявшими изъ колець, въ которыя вдѣвались ремешки. Употреблялись и пояса. Они были ременные и застегивались желѣзной или бронзовой пряжкой. У пояса встрѣчаются желѣзные небольшіе ножи или кремень, огниво и желѣзные ключи.

Обувь состояла изъ полусапожекъ, съ вывороченными голенищами и острыми носками, безъ подошвы, со швомъ, проходящимъ вдоль нижней поверхности.

Вооруженіе славянъ было такое: голова покрывалась шлемомъ остроконечной формы съ шипомъ на серединѣ и съ переносицею; на нижней оконечности шлема находились небольшія ушки, которыми онъ прикрѣплялся къ кольчугѣ, покрывавшей шею и туловище. Оружіе состояло изъ меча, сабли; мечъ былъ длинный, обоюдоострый,

прямой, съ тяжелою рукояткою. Кинжалы встрѣчались очень рѣдко. Были боевые топоры. Наболѣе часто употребляли лукъ и стрѣлы. Встрѣчаются стремена и шпоры. Шпоры носились на одной ногѣ и всегда на лѣвой.